

ВЛАДИМИР СОЛОНАРЬ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЧИСТКА ИЛИ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ? ДЕПОРТАЦИЯ РУМЫНСКИХ ЦЫГАН В ТРАНСНИСТРИЮ В 1942 Г.

Депортация части румынских цыган в Транснистрию в 1942–1943 гг. является одной из малоизученных страниц истории. Данная статья посвящена рассмотрению соображений, которыми руководствовалось румынское правительство, принимая решение о депортации, а также того, в какой мере это решение отражало взгляды правящей элиты страны. На основе анализа широкого круга источников автор приходит к выводу, что в основе антицыганских мер лежало убеждение в биологической неполноценности цыган и якобы генетически присущих им антисоциальных наклонностях.

Депортация румынских цыган в Транснистрию в 1942 г. лишь недавно стала темой научных исследований. Два румынских историка – Думитру Шандру и Виорел Аким стали пионерами в этой области¹. Причем В. Аким более известен как автор единственной монографии по истории румынских цыган, которая, помимо издания на румынском, была также выпущена Центральноевропейским университетом в переводе на английский язык. Эта тематика иногда затрагивается и в монографиях,

¹ См. Şandru D. Deportarea Țiganilor în Transnistria // *Arhivele totalitarismului; revista Institutului Național pentru Studiul Totalitarismului*. – 1997. – № 17. – P. 23–30; Achim V. Deportarea Țiganilor în Transnistria // *Anuarul român de istorie recentă*. – 2002. – № 1. – P. 127–141; *Idem*. Atitudinea contemporanilor față de deportarea Țiganilor în Transnistria // *România și Transnistria: problema Holocaustului: Perspective istorice și comparative* / Ed. V. Achim, C. Iordachi. – București, 2004. – P. 201–236; Achim V. The Roma in Romanian History. Tr. by R. Davies. – Budapest, 1998. – P. 163–188. Последняя книга имеется также на румынском языке: Achim V. Țiganii în istoria României. – București: Editura Enciclopedică, 1996. – 202 p.

посвященных проблемам Холокоста в Румынии, то есть преследования и уничтожения части румынского еврейства в годы Второй мировой войны². Были опубликованы и несколько коллекций документов из румынских архивов, среди которых следует особо выделить коллекцию под редакцией В. Акима как выполненную на самом высоком профессиональном уровне³.

В целом все авторы придерживаются сходных взглядов относительно происхождения антицыганской политики румынского руководства, ее целей и масштаба и реакции румынской общественности на нее. В кратком виде эти взгляды сводятся к следующему. В отличие от евреев, которые в межвоенный период постоянно подвергались агрессивным нападениям румынской антисемитской прессы и правых националистов, цыганское меньшинство не находилось в центре политических дискуссий и не было объектом систематической ксенофобской пропаганды. Поэтому когда в мае 1942 г. румынский диктатор Ион Антонеску отдал приказ немедленно начать депортацию части цыган, это решение было неожиданным для его подчиненных, да и для всего румынского общества. Как утверждает, например, В. Аким, «политика в отношении цыган была в прямом смысле слова творчеством Иона Антонеску»⁴. По приказаниям Антонеску около 20 тысяч цыган были депортированы в Транснистрию (так официально называлась в 1941–1944 гг. территория между Южным Бугом и Днестром, которую Гитлер передал под управление Румынии). Депортация, однако, не встретила поддержки в румынском обществе: против нее протестовали общественные деятели и королева-мать, отдельные румынские граждане в петициях, поданных в различные инстанции, заступались за своих соседей, друзей, которым угрожало выселение. Армия протестовала против депортации семей цыган, которые служили в действующих войсках. В результате этих протестов в середине октября 1942 г. депортации были прекращены, и часть солдат цыганского происхождения смогла добиться возвращения своих семей на территорию Румынии еще до окончания военных действий против Советского Союза.

Согласно данной концепции, депортация цыган была мерой в основном социальной политики (борьба с преступностью). Хотя В. Аким высказывает предположение, что меры в отношении цыган допустимо

² См., напр.: *Ioanid R. The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu regime, 1940–1944.* – Chicago, Ill., 2000. – P. 225–237 (румынское издание – *Ioanid R. Evreii sub regimul Antonescu.* – București: Editura Hasefer, 1998. – 430 p.); International Commission on the Holocaust in Romania. Final Report. – Iași: Polirom, 2005 (*далее* – International Commission). – P. 223–242 (румынский вариант – Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. Raport final. – Iași: Polirom, 2005. – 423 p.).

³ *Achim V. Documente privind deportarea țiganilor în Transnistria.* – Vol. I–II. – București: Editura Enciclopedică, 2004 (*далее* – *Achim V. Documente privind deportarea*). См. также: *Minorități etnoculturale. Mărturiile documentare: Țiganii din România (1919–1944)* / Ed. L. Nastasă, A. Varga. – Cluj: Centrul de resurse pentru diversitate etnoculturală, 2001 (*далее* – *Minorități etnoculturale*). – 683 p.; *Ionescu V. Deportarea rromilor în Transnistria: de la Auschwitz la Bug.* – București: Editura Centrului rromilor pentru politici publice «Aven amentza», 2000. – 198 p.

⁴ *Achim V. The Roma in Romanian History.* – P. 168.

рассматривать в контексте намерения Антонеску осуществить «этническую чистку» Румынии от всех меньшинств, он все же настаивает, что они могут быть лучше поняты как часть политики по «обеспечению порядка» авторитарными методами. Жертвами этой политики были, наряду с цыганами, коммунисты, легионеры (члены запрещенной с января 1941 г. фашистской партии «Железная гвардия»), евреи, религиозные меньшинства, бродяги, нищие, проститутки, лица, отказывавшиеся отбывать трудовую повинность и т.д. Именно поэтому правительство депортировало только часть цыган, а именно тех, которых оно рассматривало как представляющих опасность для общественного порядка. В конце концов, заявления Антонеску о намерении провести всеобщую этническую чистку Румынии остались чисто декларативными, так и не достигнув стадии осуществления. Хотя примерно половина депортированных цыган погибла в Транснистрии, их гибель была результатом не казней или преднамеренной политики, а скорее некомпетентности местного руководства. В соответствии с такими оценками Аким делает вывод о неправомерности проведения параллелей между нацистской и румынской политикой в отношении цыган: в Германии эта политика вытекала из расовой теории и проводилась, в отличие от Румынии, последовательно и беспощадно⁵.

Как будет показано в дальнейшем, почти все эти утверждения неверны и должны быть пересмотрены. При подготовке настоящей статьи использовались многие источники, такие как опубликованные коллекции архивных документов, а также неопубликованные документы из румынского Национального исторического архива в Бухаресте и Национального архива Республики Молдова в Кишиневе. Большинство этих документов было использовано в копиях (микрофильмах), хранящихся в коллекциях Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне, но некоторые были изучены непосредственно в бухарестском архиве. Кроме того, использовались материалы по «цыганскому вопросу», опубликованные в Румынии межвоенного и военного периодов, а также воспоминания очевидцев, собранные в коллекциях Лучиана Настасэ (Lucian Nastasă) и Андреи Варги (Andrea Varga). И наконец, активно привлекались такие важные источники, как стенограммы заседаний румынского правительства и стенограммы допросов Иона Антонеску и других военных преступников в 1945–1946 гг., большинство из которых на сегодняшний день опубликованы⁶.

⁵ Ibid. – P. 168–170, 179, 182–183.

⁶ См. Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: guvernarea Ion Antonescu. Vols. I–IX / Eds. M.–D. Ciucă, A. Teodorescu, B.F. Popovici. – București: Arhivele Naționale ale României, 1997–2006 (*далее* – *Ciucă M.–D., Teodorescu A., Popovici B.F. Stenogramele*); Procesul Mareșalului Antonescu: documente. Vols. I–III / Ed. M.–D. Ciucă. – București: Editura Saeculum, 1995–1998; Procesul lui Antonescu / Ed. I. Cracă. – București: Editura Eminescu, 1995. – 476 p. Последняя книга была впервые опубликована как: Procesul marii trădări naționale. – București: Editura Eminescu, 1946.

«Цыганский вопрос» в Румынии 1930-х – нач. 1940-х гг.

Хотя антицыганская пропаганда в Румынии в указанный период, конечно же, не достигала уровня интенсивности, которым характеризовался антисемитский дискурс, антицыганские предрассудки были очень широко распространены в румынском обществе. Как отмечает австралийский антрополог Шэннон Вудкок, убежденность в том, что цыгане являются людьми второго или третьего сорта или, может быть, вообще не вполне людьми, имеет очень глубокие корни в румынской культуре, как народной, так и элитарной. Со времени своего появления в дунайских княжествах Валахии и Молдове, которые в 1859 г. объединились в Румынию, и до середины XIX в. все цыгане Румынии были рабами – либо государства, либо отдельных знатных землевладельцев-бояр, либо монастырей. Тезис о «второсортности» и «недочеловечности» цыган служил идеологическим обоснованием беспрецедентно униженного и угнетенного положения этой части населения страны. Даже румынские крестьяне были убеждены, что, как утверждали народные пословицы, «цыган – не человек», и что хотя «деньги есть и у цыгана, но чести [у цыгана] нет»⁷.

Эмансипация цыган не привела к их интеграции в румынское общество: в подавляющем большинстве случаев они продолжали заниматься такими традиционными и малодоходными видами деятельности, как производство деревянной посуды, исполнение музыки на свадьбах и других праздниках, мелкая торговля, ворожба, временный найм для помощи в крестьянских хозяйствах и т.п. Подавляющее большинство цыган находилось на самом дне румынского общества и было наиболее обездоленной и презираемой его частью. Для румынских крестьян также было психологически важно ощущать свое глубокое, непреодолимое отличие от цыган – ситуация, обозначаемая психологами как «беспокойство, порожденное близостью», что и объясняет популярность поговорок и анекдотов, в которых это отличие артикулировалось и объективировалось⁸.

Однако «беспокойство, порожденное близостью», было свойственно не только румынским крестьянам, т.е. слою, стоявшему лишь на одну ступеньку социальной лестницы выше, чем цыгане. В определенном смысле такое беспокойство, как доказывает румынский историк Сорин Миту, исследовавший процесс формирования румынского националь-

⁷ Woodcock Sh. «The Țigan is Not a Man»: The Țigan Other as a Catalyst for Romanian National Identity. Dissertation for Ph.D. – Sidney: University of Sidney, Department of History, 2005. – 533 p. Анализ процитированных пословиц и других фольклорных текстов о цыганах см. на с. 120–156.

⁸ Румынский социолог Домника Пэун описала такую ситуацию на примере бессарабского села Корнова: Păun D. I. Țigani în viața satului Cornova // *Arhiva pentru știința și reforma socială*. – 1932. – Vol. X. – № 1/4. – P. 525–526.

ного самосознания в XVIII в. в Трансильвании (т.е. в области, где это самосознание было впервые сформировано румынскими интеллектуалами в противовес антирумынской риторике тамошних этнических венгров и немцев), испытывали многие представители верхов румынского общества, ее интеллигенции. Последние особенно остро переживали то обстоятельство, что в глазах соседних, особенно западных народов румыны были едва ли не самой «отсталой» и «варварской» нацией. В этом контексте цыгане стали единственной группой, относительно которой не было сомнения, что они стоят еще «ниже», чем румыны. Проблема, однако, заключалась в том, что иностранные путешественники, в частности с Запада, иногда замечали, что отличие между цыганами и румынскими крестьянами было минимальным и, что еще хуже, подчас писали о Румынии как цыганской стране. Боязнь отождествления с цыганами нашла свое отражение в классической эпопее трансильванского поэта Иона Будаи-Деляну «Цыганиада» (1800–1812), где румынское общество со всеми его негативными характеристиками, как они понимались деятелями просвещения, было пародировано в образе цыганского табора. Смысл бурлеска состоял в том, что если румыны не найдут в себе силы воспринять идеи «прогресса» и «просвещения» и соответствующим образом измениться, они упадут еще ниже и ничем не будут отличаться от цыганского табора. Оскорбительность сравнения должна была усилить практически-политическое звучание произведения⁹.

Вудкок, соглашаясь с Соринем Миту, еще больше радикализует его логику: по мнению австралийской исследовательницы, для румын, с момента зарождения у них национального самосознания и вплоть до настоящего времени, цыгане являются ничем иным, как «значимым Другим», то есть той референтной группой, в противопоставлении себя которой румыны артикулируют свою собственную национальную идентичность. Другими словами, румыны являются всем тем, чем цыгане НЕ являются. Поддержание символической и социальной дистанции с цыганами жизненно необходимо для успешного функционирования таким образом понимаемой национальной самоидентификации¹⁰.

Вовсе не обязательно соглашаться со всеми и каждым в отдельности тезисом Вудкок, чтобы сделать вывод о том, что слабая интенсивность обсуждения «цыганской проблемы» в румынском обществе межвоенного периода сама по себе не означала, что цыганам ничего не угрожало. Как самое маргинальное, социально и культурно изолированное меньшинство, которого чурались не только верхи, но и низы румынского общества, цыгане находились в зоне риска, особенно если принять во внимание растущее влияние правозкстремистских националистических

⁹ Mitu S. *National Identity of Romanians in Transylvania*. – Budapest, 2001. – P. 75–79.

¹⁰ См. Woodcock Sh. *Op. cit.* – P. 3–107.

организаций ксенофобского толка. К этому следует добавить, что в Румынии существовали влиятельные группы, которые вели интенсивную и чрезвычайно агрессивную антицыганскую пропаганду.

Одной из таких групп были румынские евгенисты, то есть сторонники концепции «улучшения» человеческой природы и выращивания более совершенной, с биологической точки зрения, породы людей. Евгеника не являлась, конечно, румынским изобретением, это было общеевропейское течение, импортированное в Румынию с Запада. Но западная евгеника не была однородным явлением и может условно рассматриваться как распадающаяся на сторонников Грегора Менделя, делавших упор на передачу исключительно врожденных характеристик по наследству, и Жана Батиста Ламарка, который верил в передачу приобретенных признаков по наследству. В плане практических политических рекомендаций первые настаивали на таких жестких мерах контроля, как насильственная стерилизация умственно отсталых людей и людей с врожденными физическими недостатками, поскольку были убеждены, что такие индивидуумы передадут свои дефекты по наследству, в то время как вторые делали упор на улучшении условий жизни и труда низших слоев, распространении гигиенических знаний среди них, надеясь таким образом повысить уровень здоровья населения в целом. В Англии и Франции преобладали ламаркианцы, в Германии – менделисты. В США, которые в начале XX в. были лидером евгенического движения, наличествовали и соперничали между собой представители обоих течений¹¹.

В Румынии евгенисты тоже были представлены этими двумя группами, но наиболее организованной и хорошо финансируемой (американским Фондом Рокфеллера) группой была клужская школа профессора тамошнего университета Юлиу Молдована, стоявшая на позициях менделистов. Эта группа издавала в 1927–1930 гг. и в 1934–1947 гг. журнал «Бюллетень евгеники и биополитики» (*Buletin eugenic și biopolitic*), в котором пропагандировала свои идеи. Здесь не место анализировать эти идеи подробно, отметим лишь, что члены школы усиленно подчеркивали значение искусственного отбора для улучшения «биологии» румынской нации. Наряду с мерами по изоляции и стерилизации наследственно больных, они настаивали на недопущении смешанных браков, особенно с представителями так называемых «низших» этнических групп (или рас), среди которых цыгане рассма-

¹¹ Англоязычная литература о евгенике, которая после Второй мировой войны полностью утратила свои позиции на Западе, поскольку была дискредитирована своей ассоциацией с расовой теорией и практикой уничтожения физически и расово «неполноценных» людей в нацистской Германии, огромна. Из общих работ назовем *Adams M.B. The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia.* – New York: Oxford University Press, 1990. – 242 p.; *Carlson E.A. The Unfit: A History of a Bad Idea.* – Cold Spring Harbor, N.Y.: Cold Spring Harbor Laboratory Press, 2001. – 451 p.; *Kühl S. The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism.* – New York: Oxford University Press, 1994. – XVIII, 166 p.

тривались как наиболее «опасный» элемент ввиду своей ущербной «биологии»¹².

Два члена группы, Иордаке Фэкзоару и Петру Рымнянцу, были прямо-таки во власти навязчивой идеи цыганской угрозы. Например, в номере за сентябрь-октябрь 1938 г. этого журнала Фэкзоару опубликовал статью под красноречивым названием «Этническая и расовая мешанина в Румынии», в которой подверг резкой критике политику поощрения ассимиляции национальных меньшинств, особенно находящихся на «биологически более низком», чем румыны, уровне. Среди таких Фэкзоару назвал турок, татар, русских, украинцев (эти два славянские народа были слишком смешаны с «монгольскими ордами», утверждал автор) и в особенности цыган. Эти «меньшинства-балласт», как их обозначал Фэкзоару, «представляли смертельную опасность» для румынского народа (неат – буквально «род») не только сами по себе, но в особенности потому, что «ублюдки», которые рождались в смешанных браках их представителей с этническими румынами, уменьшали «среднюю биологическую ценность» нации в целом. Политика ассимиляции таких меньшинств должна была уступить место сегрегации, делал вывод Фэкзоару. Более того, хотя и не говоря прямо, он довольно ясно намекнул на необходимость удаления таких меньшинств с румынской территории¹³.

В 1941 г. некий Георге Фэкзоару (нам не удалось установить его личность, но учитывая, что фамилия Фэкзоару является довольно редкой, можно с уверенностью предположить, что этот автор был родственником евгениста Иордаке Фэкзоару) опубликовал брошюру, в которой фактически изложил те же взгляды и, похоже, прямо высказал то, на что Иордаке Фэкзоару прозрачно намекал. По мнению Георге Фэкзоару, кочевых цыган следовало заключать в концентрационные лагеря и направлять на принудительные работы; в таких условиях они неизбежно «вымерли бы в течение жизни одного поколения». Оседлых цыган надо было подвергнуть насильственной стерилизации, а их места в экономике заняли бы «лучшие представители румынской нации»¹⁴. Наконец, в 1943 г. Петру Рымнянцу написал о необходимости подвергнуть «инородческие семьи и общины, в особенности цыган, сегрегации»¹⁵.

Трудно оценить влияние евгенической пропаганды, в частности по «цыганскому вопросу», на румынское общество в целом, да и в контексте настоящей темы в этом нет особой необходимости, поскольку

¹² О клужской школе см.: Bucur M. Eugenics and Modernization in Inter-War Romania. – Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2002. – 298 p.; Turda M. The Nation as Object: Race, Blood, and Biopolitics in Interwar Romania // *Slavic Review*. – 2007. – Vol. 66. – № 3. – P. 413–442.

¹³ Făcăoaru I. Amestecul rasial și etnic în România // *Buletin egenic și biopolitic*. – 1938. – № 9/10. – P. 276–287.

¹⁴ Făcăoaru G. Câteva date în jurul familiei și statutului biopolitic. – Bucharest, s.d. – P. 17.

¹⁵ Rămneanțu P. Sânge și glie. – Sibiu, 1943. – P. 19.

в 1942 г. Румыния была военной диктатурой, в которой важнейшие политические решения принимались диктатором (или кондукэтором – не совсем удачный перевод немецкого «фюрер») Ионом Антонеску¹⁶. Более существенным является вопрос о том, доходила ли эта пропаганда до самого диктатора, и если да, то есть ли свидетельства того, что он к ней прислушивался. На оба эти вопроса сегодня можно с уверенностью дать положительный ответ. Передаточным звеном, посредством которого евгенический дискурс относительно цыган достигал ушей Иона Антонеску, служил главный румынский статистик, директор Центрального института статистики д-р Сабин Мануилэ.

Эксперты, бюрократы и цыгане

Ученик Юлия Молдована и, как и его учитель, по первому своему образованию врач, Мануилэ в 1925–1926 гг. учился в Школе гигиены и общественного здравоохранения им. Джона Гопкинса в Балтиморе (США), используя с этой целью стипендию, полученную им от Фонда Рокфеллера (вероятно, он получил ее по протекции своего учителя Молдована). Среди предметов, которые Мануилэ изучал в США, были биометрия и биостатистика. Вскоре после своего возвращения в Румынию Мануилэ переехал из Клужа в Бухарест и стал служить в статистическом ведомстве. В 1930 г. он возглавил проведение первой действительно всеобщей и достоверной переписи населения страны, и с этого момента и до своего бегства на Запад из коммунистической Румынии в 1948 г. был главным румынским статистиком¹⁷. Карьера Мануилэ достигла своего апогея при Антонеску, у которого он пользовался безграничным доверием. 1 июня 1941 г. Антонеску даже издал указ, запретивший любым государственным органам, кроме института Мануилэ, проводить статистические исследования¹⁸.

При Антонеску Мануилэ был не только статистиком, но и главным советником по тому, что он называл «политикой народонаселения». В конечном счете, речь шла все о той же навязчивой идее улучшения «биологии» румынской нации путем поощрения рождаемости, особенно среди элит, борьбы с венерическими заболеваниями, стерилизации генетических неполноценных индивидов, воспрепятствования смешанным бракам и принятия мер по изоляции и удалению с территории страны этнических меньшинств (Мануилэ имел в виду в основном

¹⁶ О режиме Антонеску см.: *Deletant D.* Hitler's forgotten ally: Ion Antonescu and his regime, Romania 1940–44. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – X, 379 p.

¹⁷ Биографические данные о Мануилэ см.: *Trebici V.* Dr. Sabin Manuilă, organizatorul statisticii științifice în România // *Bolovan S., Bolovan I.* Sabin Manuilă. Istorie și demografie. Studii privind societatea românească între secole XVI–XX. – Cluj–Napoca, 1995. – P. 7–25; *Bolovan S., Bolovan I.* Introduction // *Manuilă S.* Studies on the Historical Ethnography of Romania. – Cluj–Napoca, 1992. – P. 7–18.

¹⁸ Текст декрета см. в Arhivele Naționale ale României (*далее* – ANR), Fond Sabin Manuilă, XII/165/1939.

проведение серии обменов населением с соседними странами)¹⁹. Как и члены клужской школы евгеники, Мануилэ претерпел значительную идейную эволюцию в 1930-е – нач. 1940-х гг. Первоначально занимая более умеренные позиции в вопросе о том, следует ли добиваться «улучшения биологии нации» путем добровольных или насильственных мер контроля, он стал в 1940 г., то есть после головокругительного успеха Гитлера в войне против Франции, открытым сторонником тех жестких принудительных мер евгеники, которые практиковались в нацистской Германии.

В этом его полностью поддерживал Антонеску. 23 мая 1941 г. диктатор поставил следующую резолюцию на реферате Мануилэ, озаглавленном «Политика народонаселения»: «Вопрос поставлен очень хорошо... Капитальная проблема [румынской] нации (neam): раса – [ее] сохранение, укрепление, развитие, однородный состав и [географическое] распределение»²⁰. Показательно, что одной из главных идей, развитых Мануилэ в этом реферате, была идея «цыганской опасности» именно с биологической точки зрения. Мануилэ назвал цыган «большой [или великой – mare. – В.С.] расовой проблемой Румынии». «Цыгане, – продолжал румынский демограф, – составляют наиболее многочисленную этническую группу после румын, и в то же время они являются дисгеническим элементом, живущим в промискуитете [то есть способствуют умножению генетически неполноценных. – В.С.]. До сих пор ничего не было сделано для решения цыганской проблемы»²¹. Как и Иордаке Фэкэоару, Мануилэ был убежден, что количество цыган в Румынии гораздо больше, чем зафиксировала перепись 1930 г., во время которой респонденты имели полную свободу указывать свою этничность (neam) так, как они сами себя идентифицировали. Мануилэ считал, что многие цыгане во время переписи 1930 года скрыли свою «настоящую» этничность и записали себя румынами, в результате чего цифра 262 501 должна была быть пересмотрена в сторону значительного повышения; в то же время он

¹⁹ См.: *Achim V. The Romanian Population Exchange Project Elaborated by Sabin Manuila in October 1941 // Annali dell'istituto storico italo-germanico in Trento. – 2001. – № XXVII. – P. 609–17; Idem. Schimbul de populatie in viziunea lui Sabin Manuila // Revista istorica. – 2002. – Vol. XIII. – № 5–6. – P. 133–150; Solonari V. An Important New Document on Romanian Policy of Ethnic Cleansing during World War II // *Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – Vol. 20. – № 2 (dalee – Solonari V. An Important New Document). – P. 276–278.**

²⁰ ANR, Fond Președenția Consiliului de Miniștri, Cabinetul Militar, 174/1940, f. 410; United States Holocaust Memorial Museum Archives (dalee – USHMM), Record Group (dalee – RG) 25.013M, reel 6. В архивном деле, содержащем эту резолюцию, нет текста самого реферата, однако личная коллекция Мануилэ содержит реферат под тем же названием (ANR, Fond Sabin Manuila XII/213/1941). Хотя этот документ не датирован, его можно с полной определенностью отнести к весне 1941 г. Одна грамматическая особенность реферата и резолюции Антонеску является дополнительным доказательством связи этих текстов: в обоих случаях использована редкая форма «gassă» (раса) вместо более обычной формы *rasă*. Румынская грамматика избегает удвоения согласных. В данном случае произошло изменение грамматической формы под влиянием немецкого языка («Rasse»). Если учесть, что Мануилэ знал немецкий и немецкую литературу по расовой теории, становится понятным, почему он допустил эту ошибку. В свою очередь, Антонеску, который немецкого не знал, механически повторил ее.

²¹ *Ibid.* – P. 1.

отказывался давать определенную оценку до окончания обработки переписи апреля 1941 г. – работы, которая никогда не была закончена²². Показательно также, что в 1944 г. институт Мануилэ опубликовал капитальную монографию румынского этнографа Иона Кельчи о цыганах, в который были сформулированы рекомендации по решению этой «проблемы», практически ничем не отличающиеся от советов Георге Фэкзоару²³.

Помимо голосов румынских евгенистов, требовавших незамедлительного принятия самых решительных мер против цыган, диктатор слышал голоса и других экспертов, требовавших, по сути дела, того же, но выдвигавших несколько отличные аргументы в пользу такой «политики». Например, эксперт Министерства труда, здравоохранения и социальной защиты Н. Кэдере в начале 1941 г. представил доклад о причинах распространения тифа в аграрных районах севера провинции Молдова и южной Буковине. Кэдере охарактеризовал цыганские сельские поселения (отдельные села или цыганские окраины сел) как среду, в которой тиф существовал постоянно вследствие глубокой нищеты и антисанитарных условий жизни, характерных для этой части населения. Многие цыгане в этих районах проживали в своих домах только зимой, а с наступлением весны отправлялись на поиски заработков в близлежащие районы, таким образом разнося эпидемию. Кэдере рекомендовал заключить цыган в трудовые колонии и затем разделить их на три категории, к каждой из которых должны были применяться различные меры. Тех, кто проявил склонность к сельским работам, следовало поселить на земельных участках, достаточных для прокорма их и их семей; тех, кто проявил способность к другим профессиям, – «направить» в соответствующие сферы занятости (Кэдере не объяснил, как конкретно они должны были быть «направлены»). Третью категорию составляли те, кто был неспособен ни к какому труду. В отношении этого «балласта» Кэдере предлагал найти «смелое» решение, которое освободило бы общество от «бесполезных и невыносимых» людей, «представляющих, прежде всего, угрозу общественному здоровью»²⁴.

Неизвестно, прочел ли Ион Антонеску доклад Кэдере весной 1941 г., но в октябре того же года начальник его кабинета Овидиу Влэдеску составил резюме доклада Кэдере и вновь представил его на рассмотрение

²² См. реферат Мануилэ по этому вопросу в *Achim V. Documente privind deportarea*. – Vol. I. – P. 53–55. Иордаке Фэкзоару в 1935 предположил, что в Румынии было 400 000 цыган, но не объяснил, на чем основывалась эта оценка. См.: *Făcșoaru I. Inmulțirea disgenicilor și costul lor pentru societate și stat // Buletin eugenic și biopolitic*. – 1935. – № 4/6. – P. 182.

²³ *Celcea I. Țigani din România. Monografie etnografică*. – București, 1944. – P. 85. Келча, впрочем, предлагал сделать исключение для одной группы румынских цыган – *rudari* – но не из гуманитарных соображений, а потому что считал что «в расовом отношении» они не были цыганами и считались таковыми по недоразумению. «На самом деле», утверждал Келча, они были остатками древнего, до римского завоевания провинции Дакия, населения (*Ibid.* – P. 23–62, 85–101).

²⁴ *Arhiva Națională a Republicii Moldova (далее – ANRM)*, 706/1/10, vol. 2, f. 441–447 (USHMMA, RG–54.002M, reel 2).

диктатора, предложив в сопроводительном письме депортировать кочевых «и другие категории» цыган в Транснистрию. Однако 8 октября диктатор постановил отложить решение вопроса на более поздний срок²⁵. Наконец, 28 мая 1942 г. Министерство юстиции предложило «удалить» цыган из румынских городов и поселков и заключить их в трудовые колонии, поскольку «эти люди совершают многочисленные факты воровства» (к этому времени Антонеску уже принял решение начать подготовку к депортации части цыган в Транснистрию, но сотрудники Министерства юстиции могли об этом не знать)²⁶.

Приведенные факты показывают, что решение о депортации цыган в Транснистрию не было личной прихотью румынского диктатора, оно выражало настроения и убеждения части – вполне вероятно, значительной части – румынских правительственных экспертов и бюрократов. В действительности Антонеску мог быть даже менее радикальным в этом вопросе, чем некоторые из его советников и сотрудников.

Ион Антонеску: принятие решения о депортации

И все же факт остается фактом: решение о депортации было принято румынским диктатором, причем и время депортации, и критерии отбора цыган, подлежащих ей, и сроки «операции» тоже были определены им. Поэтому представляется необходимым остановиться, хотя бы в самом общем виде, на взглядах и политике Иона Антонеску.

Для начала отметим, что Антонеску был крайним националистом и ксенофобом, глубоко убежденным в том, что все национальные меньшинства были врагами румынской нации и что Румыния не получит возможности успешно развиваться до тех пор, пока все они не будут удалены, тем или иным способом, с румынской территории. Его программной целью с момента прихода к власти и до его смещения в результате дворцового переворота 23 августа 1944 г. было полное «очищение» страны от всех «чужаков» (*străini*), как он называл этнических нерумын. Во время пребывания Антонеску во власти различным мерам дискриминации и преследования подвергались все национальные меньшинства (кроме немцев, находившихся под покровительством Гитлера), однако наиболее бесчеловечным и преступным было его обращение с евреями. Антонеску был лично виновен в организации кампании массового убийства евреев Бессарабии и северной Буковины в июле-августе 1941 г., в заключении в гетто и концентрационные лагеря тех, кто пережил первую волну убийств в этих провинциях, и их депортации в Транснистрию осенью 1941 г.

²⁵ *Ibid.*, f. 392, 440.

²⁶ *Achim V. Documente privind deportarea.* – Vol. I. – P. 15–16. Из документа неясно, какой конкретно чиновник министерства подписал этот доклад.

(депортации подвергались евреи Бессарабии, северной и южной Буковины и уезда Дорохой провинции Молдова), наконец, в массовых репрессиях против еврейского населения Одессы в октябре 1941 г. и выселении остатков еврейского населения этого города в лагерь на Южном Буге в январе 1942 г. Общее количество евреев, погибших в результате этой преступной политики, а также погромов в Бухаресте в январе 1941 г. и Яссах в июне 1941 года, за которые Антонеску мог и не нести персональной ответственности, по современным оценкам составляет от 280 000 до 380 000²⁷.

Цыгане были вторым меньшинством, против которого румынское государство при Антонеску проводило особо жесткую политику, хотя они и не подвергались, как евреи, массовым казням. Чем же объясняется то, что хотя Антонеску ненавидел всех «чужаков», именно евреи и цыгане были выделены как объекты самых жестоких мер?

Прежде всего заметим, что объяснение не следует искать в интенсивности его фобий. Действительно, Антонеску испытывал к евреям почти животную ненависть, также ненавидел он, как мы увидим, и цыган. Но то же можно сказать и обо всех других меньшинствах. Вот, например, что он сказал 14 марта 1941 г. на совещании с руководителями крупных промышленных предприятий: проблема «пришельцев» – еще одно обозначение для «чужаков» – «очень серьезна, потому что она ведет румынскую нацию к исчезновению, как мясник ведет скотину на бойню»²⁸. 10 октября 1940 г. на заседании румынского правительства он заявил, что «чужаки» в течение столетий эксплуатировали румынскую нацию: «Мы работаем как рабы, а они наживаются; мы всегда были рабами у чужаков...»²⁹

Однако, несмотря на свою параноидальную ксенофобию, в том, что касалось практической политики, Антонеску стремился учитывать реалии – геополитические и, прежде всего, экономические. И именно этой его решимостью проводить ту политику, которая была возможна с учетом реального положения страны, как он его понимал, и объясняется столь различный подход румынского диктатора к решению еврейской и цыганской, с одной стороны, и скажем, венгерской, украинской и болгарской «проблем», с другой³⁰. Не вдаваясь в слишком детальное обсуждения этого аспекта, отметим, что с лета 1940 г., когда Антонеску решил, что в послевоенной Европе будет доминировать Германия, он согласился предоставить немецкому меньшинству различные при-

²⁷ Подсчеты количества жертв см. в International Commission. Final Report. – P. 382.

²⁸ Benjamin L. Evreii din România între anii 1940–1944. – București, 1996. – Vol. II. – P. 210.

²⁹ Ciucă M.–D., Teodorescu A., Popovici B.F. Stenogramele. – Vol. I. – P. 184.

³⁰ Более подробно о соображениях, которыми руководствовался Ион Антонеску в своей политике по отношению к национальным меньшинствам, см.: Solonari V. «Model Province»: Explaining the Holocaust of Bessarabian and Bukovinian Jewry // *Nationalities Papers*. – 2006. – Vol. 34. – № 4 (данее – Solonari V. «Model Province»). – P. 473–481; *Idem*. An Important New Document. – P. 271–273.

вилегии, которые превратили немецкую общину, находившуюся под контролем нацистской партии, фактически в государство в государстве³¹. В той или иной степени были защищены своими государствами и венгры, и болгары – обе эти страны, как и Румыния, являлись сателлитами Третьего рейха, и как таковым им покровительствовал Берлин. Даже украинцы имели своих защитников в немецкой столице, поскольку нацисты надеялись использовать их национальное движение в борьбе против большевизма³².

На противоположном конце списка находились евреи, о которых было известно, что Гитлер ненавидел их и был полон решимости добиться их удаления с европейского континента. Антонеску проводил очень жесткую антиеврейскую политику все то время, пока он считал полную победу Германии наиболее вероятным исходом войны. О своем намерении подвергнуть советских евреев «особым мерам обращения» Гитлер лично сообщил Антонеску в ходе встречи двух диктаторов 12 июня 1941 г. в Мюнхене (на этой встрече Гитлер также назвал дату нападения на СССР и предложил румынскому коллеге принять участие в военных действиях, на что тот с энтузиазмом согласился)³³. После своего возвращения из Мюнхена в Бухарест Антонеску отдал приказ немедленно начать подготовку к этнической чистке Бессарабии и Буковины от евреев³⁴. В июле и августе 1941 г. румынские войска и жандармерия вели себя по отношению к евреям в восточных провинциях и в Транснистрии с такой жестокостью, что заслужили восхищение Гитлера, который в разговоре

³¹ О привилегиях немецкого меньшинства в Румынии в 1940–1944 годах см.: *Schechtman J.B. Postwar Population Transfers in Europe.* – Philadelphia, 1962. – P. 266.

³² Альфред Розенберг, во время войны бывший министром оккупированных восточных территорий, был наиболее высокопоставленным нацистом, который добивался проведения курса на поддержку различных националистических движений, в том числе украинского, как потенциальных союзников в войне против советского режима. См.: *Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies.* 2nd ed. – Boulder, Colo., 1981. – P. 107–111. На северной Буковине и в Бессарабии немцы пытались – с некоторым успехом – защитить украинских националистов от румынских репрессий. См.: *Angrick A. Im Wechselspiel der Kräfte. Impressionen zur deutschen Einflussnahme bei der Volkstumspolitik in Czernowitz vor «Barbarossa» und nach Beginn des Überfalls auf die Sowjetunion // NS-Gewaltherrschaft: Beiträge zur historischen Forschung und juristischen Aufarbeitung. Publikation der Gedenk- und Bildungsstätte Haus der Wannsee-Konferenz / Hrsg. A. Gottwald, N. Kampe, P. Klein.* – Bd. 11. – Berlin, 2005. – S. 318–358.

³³ См. стенограмму переговоров в *Hillgruber A. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler: Vertrauliche Aufzeichnungen über die Unterredung mit Vertretern des Auslandes 1939–1941.* – Bd. 1. – Frankfurt a.M., 1967. – S. 591–592. Хотя сообщение Гитлера по «еврейскому вопросу» не было зафиксировано в стенограмме, сам факт такого разговора был впоследствии подтвержден Антонеску и немецким МИДом, когда румынский диктатор опротестовал отсутствие координации между немецкими войсками и румынской администрацией в Бессарабии и Буковине по вопросу об антиеврейских мерах (немецкие военные не желали видеть массы евреев, которых румыны депортировали из восточных провинций, у себя в тылу и не знали, что согласие на их депортацию Гитлер уже дал Антонеску). Переписка между Антонеску и немецким МИДом см. в *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945, Series D.* – Washington, DC, 1963. – Vol. 12. – P. 996–1006; Vol. 13. – P. 318–319. См. также обсуждение этого вопроса в *AnceJ J. The German–Romanian Relationship and the Final Solution // Holocaust and Genocide Studies.* – 2005. – Vol. 19. – № 3. – P. 255–256. Именно Жану Анчелу принадлежит заслуга открытия этого важного факта.

³⁴ О том, как проходила эта этническая чистка, см.: *Solonari V. Patterns of Violence: The Local Population and the Mass Murder of Jews in Bessarabia and Northern Bukovina, July–August 1941 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2007. – Vol. 8. – № 4. – P. 749–787.

с Геббельсом отрекомендовал румын как более решительных борцов с евреями, чем сами немцы³⁵.

Поскольку ни одна страна не защищала цыган в 1941 г., они были для Антонеску, в сущности, таким же потенциально уязвимым меньшинством, как евреи, в отношении которого можно было действовать безнаказанно. Диктатор разделял все традиционные румынские предубеждения против цыган, и в частности, был очень чувствителен к тому, что в глазах иностранцев, как он считал, румыны подчас воспринимались как «почти цыгане». Во время своего допроса 6 мая 1946 г. он с негодованием упомянул об антирумынской пропаганде, которую, по его мнению, вели венгры в Европе, в результате которой европейцы якобы пришли к выводу, что «Румыния – это страна цыган, не способная управлять собой»³⁶. На заседаниях совета министров 7 февраля и 4 апреля 1941 г. Антонеску объяснил своим министрам, в чем, по его мнению, состоял вред, приносимый цыганами (он назвал их «напастью»), и как и с ними предстояло бороться. Во-первых, цыгане, совместно с другими «слабыми элементами», «добывают себе средства к существованию, не работая»; во-вторых, они переносили и распространяли различные болезни³⁷. Показательно, что во втором из указанных выступлений он, описывая свои наблюдения за ежедневным поведением бухарестских цыган, применил военную лексику: цыгане «устроили большой центр» на окраине Бухареста, откуда они каждый день «отправлялись, как солдаты идут на поле битвы, врассыпную» и «проникали во все кварталы румынской столицы, один за другим» и т.п. Диктатор явно рассматривал действия цыган как заранее спланированную военную акцию по разрушению румынской нации. Из этого, по сути, параноидального суждения «логически» вытекал вывод, что и румынское государство, защищая свою нацию от столь опасного врага, должно было действовать беспощадно. Антонеску приказал подготовить землянки (*bordei*) в дельте Дуная (район, известный своим нездоровым климатом, способствовавшим распространению малярии) и выселить туда цыган из Бухареста, а затем и других городов. Цыгане должны были жить в колониях и работать в имениях тамошних помещиков.

Приказ Антонеску от апреля 1941 г. не был выполнен по причинам, которые в точности установить не представляется возможным. Можно, однако, предположить, что подготовка к войне против Советского Союза отвлекла внимание диктатора и его правительства от «цыганской проблемы». Депортация евреев Бессарабии и Буковины осенью 1941 г. также оттеснила этот вопрос на задний план. Румынская администра-

³⁵ См. *Goebbels J. Tagebücher 1924–1945.* – Bd. IV. – München, 1992. – S. 1659–1660.

³⁶ *Ciucă M.–D. Procesul Marelui Antonescu: documente.* – Vol. III. – București, 1995–1998. – P. 309.

³⁷ *Ciucă M.–D., Teodorescu A., Popovici B.F. Stenogramele.* – Vol. II. – P. 181; Vol. III. – P. 94.

ция Транснистрии, которая должна была решать целый ряд сложных управленческих задач, располагая крайне ограниченным персоналом и другими ресурсами, протестовала против политики «сваливания» евреев на подконтрольную ей территорию без четкого плана относительно того, как обеспечить их размещение, пропитание и «использование» на принудительных работах и, в особенности, не допустить распространения тифа, который несли колонны изможденных и полураздетых людей³⁸. Именно эти протесты и были, по-видимому, той причиной, которая побудила Антонеску отдать 8 октября 1941 г. приказ отложить депортацию цыган, которую предлагал начать начальник его кабинета Влэдеску.

Однако 1 мая 1942 г. диктатор приказал начать подготовку к депортации румынских кочевых цыган³⁹. В течение последующих двух-трех недель, возможно, в результате обсуждения «цыганской проблемы» на межведомственных совещаниях, протоколы которых не велись или не сохранились, план депортации части цыган был расширен и конкретизирован. Содержание этого плана будет рассмотрено ниже, а пока представляется необходимым попытаться ответить на вопрос о том, почему именно в мае 1942 г. политика депортации перешла от разговоров и деклараций в плоскость конкретных действий.

Хотя документ, который мог бы послужить непосредственным толчком к такому решению диктатора, до сих пор не найден, представляется возможным реконструировать логику кондукэтора, исходя из общеполитического контекста – как внешнего, так и внутреннего. Провал немецких планов закончить войну в 1941 г. захватом Москвы и контрнаступление советских войск в декабре того же года поколебали оптимизм Антонеску, и на некоторое время он впал в депрессию. Однако когда выяснилось, что Красная армия не смогла прорваться на других участках фронта, кроме московского, а немцы сумели добиться стабилизации положения в первые месяцы 1942 г., настроение Антонеску снова изменилось, и он вернулся к своей прежней уверенности в неизбежности скорой победы Третьего рейха⁴⁰. В таком оптимистическом настроении он пребывал до октября 1942 г., когда все более тревожные донесения со сталинградского фронта, где плохо вооруженная 4-я румынская армия испытывала нарастаю-

³⁸ См. доклад губернатора Транснистрии Георге Алексиану от ноября 1941 г., в котором он сообщил о своих усилиях добиться сокращения количества депортируемых евреев: Державный архив Чернівецької області (*далее* – ДАЧО), ф. 307, оп. 3, спр. 4, арк. 65–66 (USHMMA, RG–31.006M, reel 37).

³⁹ *Achim V. Documente privind deportarea.* – Vol. I. – P. 15–16.

⁴⁰ См. дневниковые записи Иоана Худицы от 14 и 22 декабря 1941 и 15 февраля 1942 гг. в *Hudița I. Jurnal politic: 22 iunie 1941 – 28 februarie 1942.* – București, 2005. – P. 289, 305, 366. Худица был заместителем генерального секретаря оппозиционной Национал–крестьянской партии, которая, несмотря на ее формальный запрет, продолжала действовать. Худица вел подробный дневник, в котором записывал массу ценной информации, поступающей к нему из разных источников, в том числе от людей, часто встречавшихся с Антонеску.

щие трудности еще до начала советского наступления, вкпе с неспособностью Германии выполнить свои обязательства по оснащению румынских войск вновь подорвали его оптимизм – на этот раз навсегда (хотя в возможность капитуляции Германии и ее оккупации Антонеску отказывался верить до самого последнего момента)⁴¹. Депортации евреев из восточных провинций, которые были приостановлены 13 ноября по приказу диктатора (к этому моменту в Бессарабии оставались несколько сотен евреев, главным образом крещеных и состоявших долгое время в смешанных браках, а также тяжело больных и обитателей дома для душевнобольных в Костюженах; в Буковине было разрешено временно остаться примерно 20 тысячам евреев, которых сочли необходимыми для функционирования местных промышленных предприятий), возобновились в мае 1942 г.⁴² Логично предположить, что и депортация цыган, решение о которой было принято примерно в то же время, была частью политики «очищения» румынской нации от инородных элементов, которая начала осуществляться с момента вступления в войну против СССР и проводилась до октября 1942 г. Ее интенсивность непосредственно зависела от оценки вероятности победы Германии в войне.

К этому следует добавить, что с конца 1941 г. Антонеску должен был знать, что на оккупированных территориях Советского Союза нацисты уничтожали не только евреев, но и цыган. В частности, в Крыму, где эйнзатцгруппа D с декабря 1941 г. проводила массовые казни цыган, румынские военные, по свидетельству по крайней мере одного источника, принимали участие в сборе и конвоировании жертв к месту казни⁴³. Неизвестно, было ли такое участие результатом приказа, отданного самим Антонеску, или же это была инициатива фронтовых командиров, но в любом случае Антонеску не мог не знать об обращении немцев с цыганами. Для Антонеску, который стремился подражать сильному, это обстоятельство могло стать дополнительным стимулом для перехода в решении «цыганской проблемы» от деклараций к действиям.

⁴¹ Об изменившейся в октябре 1941 г. оценке Антонеску перспектив исхода войны см. мемуары его секретаря и переводчика Георге Барбула: *Barbul G. Memorial Antonescu: Al treilea om al axei. Traducere din franceza Sandra-Maria Ardeleanu and Mihail-Constantin Ardeleanu.* – Iași, 1992. – P. 79–85. См. также: *Balta S. Rumänien und die Grossmächte in der Ära Antonescu, 1940–1944.* – Stuttgart, 2005. – S. 255–257.

⁴² Приказ Антонеску о приостановке депортации от 13 ноября 1941 см.: *Ciucă M.–D., Teodorescu A., Popovici B.F. Stenogramele – Vol. V.* – P. 154. 20 мая были депортированы 204 еврея из Кишинева (ANRM, 679/1/6922, vol. 2, f. 536–537), 8 июня был отправлен в Транснистрию 1781 еврей из Черновиц и 76 евреев из других районов провинции (ДАЧО, ф. 307, оп. 1, спр. 244, арк. 1–2 (USHMMA, RG–31.006M, reel 9)).

⁴³ См. свидетельство очевидца в материалах советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в: Государственный архив Российской Федерации, ф. 7021, оп. 9, д. 38, л. 212–213. Выражаю благодарность Михаилу Тяглову, который нашел и предоставил в мое распоряжение этот важный документ, а также позволил мне ознакомиться с его содержательной статьей «Were the Chingeneé Victims of the Holocaust? Nazi Policy Toward the Roma in the Crimea, 1941–1944», готовящейся к печати в *Holocaust and Genocide Studies*.

Жандармы и цыгане

Хотя приказ Антонеску от 1 мая 1942 г. предусматривал депортацию только кочевых цыган, 17 мая того же года государственный секретарь Министерства внутренних дел (его функции примерно соответствовали функциям заместителя министра) дивизионный генерал Константин (Пикки) Василиу издал приказ полицейским и жандармским управлениям (полиция действовала в городах, жандармерия – в сельской местности) составить в срок до 10 июня того же года списки двух категорий цыган: «1. Кочевые цыгане. 2. Оседлые цыгане (а именно те, которые хотя и не являются кочевыми, [были] осуждены [судом], являются рецидивистами или не имеют средств для существования или определенного занятия, от трудовых доходов с которого они могли бы честно жить, и таким образом представляют угрозу общественному порядку)»⁴⁴. 22 мая последовал приказ Антонеску провести в течение июня депортацию этих категорий цыган «с целью обеспечения порядка внутри страны и удаления чужеродных и паразитических элементов»⁴⁵. Таким образом, к этому моменту контуры и механизм кампании были в общем определены: в дальнейшем именно цыгане двух категорий, установленных приказом Василиу, были подвергнуты депортации, а сам Василиу руководил операцией от начала до конца.

Следует отметить, что это был тот самый генерал Василиу, который в начале июля 1941 г. инструктировал жандармские подразделения, направлявшиеся в «освобожденные» Бессарабию и северную Буковину, относительно того, *что* им следовало делать с евреями, проживающими на этих территориях. Василиу пользовался огромным доверием Антонеску и отличался особой жестокостью и неразборчивостью в средствах. (Еще один военный преступник, Раду Лекка, особый уполномоченный по «еврейскому вопросу» при Антонеску, который был приговорен в 1946 г. вместе с Антонеску и Василиу к расстрелу, но избежал казни, в последний момент замененной на пожизненное заключение, характеризовал Василиу в своих написанных в тюрьме мемуарах как «самого большого бандита и убийцу из всех, которых произвела на свет румынская жандармерия»)⁴⁶. Василиу исполнил данное ему поручение по «цыганскому вопросу» с большим энтузиазмом, рассматривая его как замечательную возможность избавиться от той части населения, которую он считал источником преступности и в целом разнообразных проблем для органов правопорядка. Называя всю эту операцию «*ecarisaj polițienesc*» (от французского *équarrissage* – сдирание шкуры), что можно

⁴⁴ *Achim V. Documente privind deportarea. – Vol. I. – P. 5–6.*

⁴⁵ *Ibid.* – P. 9–10. Определение этих категорий в приказе Антонеску несколько отличалось от определения, данного Василиу. Это обстоятельство свидетельствует о значительной доле импровизации во всей кампании.

⁴⁶ *Lecca R. Eu î-am salvat pe evrei din România. – București, 1994. – P. 173.*

перевести как «отлов и свеживание бродячих псов», он старался под различными предлогами депортировать как можно больше цыган. Все они, и в особенности бедные и не имевшие постоянного источника дохода, были в его глазах преступниками⁴⁷.

Не вдаваясь в подробный анализ того, как проходила операция по депортации цыган, отметим лишь, что обстоятельства ее проведения дали органам полиции и жандармерии практически неограниченные возможности решать судьбу всех тех, кого они считали цыганами. Начнем с того, что различие между кочевыми и оседлыми цыганами, очевидное на бумаге, на практике было определить нелегко, поскольку многие цыгане, особенно мужчины, имевшие дом и семью, в поисках работы перемещались по всей территории страны. Если жандармы находили таких цыган в период проведения кампании вне населенных пунктов, где те постоянно проживали, они их попросту арестовывали и отправляли в Транснистрию, не принимая во внимание возражений и протестов последних. Например, некто Киордан Миклеску, депортированный в числе прочих в Транснистрию как кочевой цыган, ходатайствуя впоследствии о разрешении вернуться в Румынию, утверждал, что хотя он был владельцем трех домов в г. Крайова, приобретенных на заработанные на производстве кирпичей деньги, однако был задержан жандармами, конвоировавшими колонну цыган в Транснистрию, когда он с другими рабочими направлялся на местный кирпичный завод в уезде Путна. Жандармы попросту приказали им встать в строй и двигаться вместе с остальной колонной. Прошение Миклеску было отклонено⁴⁸.

Более того, даже установить, кто был цыганом, было не всегда легким делом, поскольку в Румынии не существовало официальных документов, фиксировавших этническую принадлежность граждан. На практике жандармы и полицейские зачисляли в цыгане всех, кто вел «цыганский образ жизни» или проживал в «цыганском» районе. Иногда они прибегали к такому простому и грубому критерию «установления» этничности, как цвет кожи. Например, мэр города Тырговиште в конце сентября 1942 г. протестовал против способа депортации цыган, указывая, в частности, что на практике депортации подверглись не только цыгане, но и все те, кто «подозревался [в том, что они были цыганами. – В.С.] вследствие своего цвета кожи»⁴⁹. В другом не менее красноречивом случае начальник управления полиции города Галац, опровергая утверждения одного депортированного лица о том, что он был депортирован по ошибке, в действительности не являясь

⁴⁷ См. приказ, направленный Василиу в генеральную дирекцию полиции, которую он подозревал в недостаточном усердии в проведении антицыганской политики: *Achim V. Documente privind deportarea.* – Vol. II. – P. 104. Этот приказ содержит выражение «ecarisaj polițienesc».

⁴⁸ *Ibid.* – P. 89–90, 94–95, 114, 180–181.

⁴⁹ *Ibid.* – Vol. I. – P. 238–239, 284–285.

цыганом, так объяснил, почему он продолжал считать его таковым: этот индивид, писал полицейский чин, «имеет цыганский цвет [кожи], язык и живет среди цыган». И добавил, что этот человек нищенствует, подразумевая, что нищенство было цыганским занятием⁵⁰.

Вопрос о том, кого из цыган зачислять в преступники и таким образом подвергать депортации, а кого нет, решался по-разному в разных уездах и населенных пунктах Румынии в зависимости от моральных качеств и силы антицыганских предубеждений различных жандармских и полицейских чинов. Так, жандармское управление уезда Констанца, депортировавшее с подведомственной территории, насколько можно судить, самый высокий процент цыган – 24% зарегистрированных по переписи 1930 г. (в то время как в целом по стране их доля составляла около 10%) – отвергло просьбы всех просивших разрешения вернуться в Румынию из Транснистрии на том основании, что члены их семей служили в действующей армии, дав в большинстве случаев стандартные ответы такого типа: «главным родом его деятельности является воровство» или «у нее нет другого источника дохода, кроме нищенства, воровства, гадания и воровства» – без каких-либо доказательств⁵¹. Для Василиу таких «экспертных оценок» было достаточно, чтобы отказать в удовлетворении просьбы. С другой стороны, начальник жандармского управления майор Иоан Пешкир освободил 14 цыган от депортации, когда они принесли ему выписки из судебных реестров, доказывавшие, что за ними не числятся никаких преступлений. Как объяснял Пешкир в своем докладе, «эти выписки были достаточным основанием для освобождения этих цыган от смутных подозрений и необоснованных обвинений, которыми руководствовались начальники жандармских постов [когда арестовывали этих несчастных. – В.С.]»⁵². Однако таких, как майор Пешкир, было немного. Подавляющее большинство жандармов разделяло энтузиазм Василиу по поводу «отлова и свежевания бродячих псов». В некоторых случаях, когда подчиненные Василиу проявляли слишком «либеральный» подход и разрешали недопустимо большому, по его мнению, количеству цыган вернуться из Транснистрии, государственный секретарь Министерства внутренних дел без колебаний отвергал их рекомендации: если следовать такой логике, писал он генеральному директору управления полиции 1 февраля 1943, никакого «отлова и свежевания бродячих псов осуществить не удастся»⁵³. По крайней мере в одном случае Василиу распорядился подвергнуть рядового жандарма

⁵⁰ ANR, Fond Inspectoratul general al Jandarmeriei, 43/1943, f. 176v. (USHMMA, RG-25.010M, reel 24).

⁵¹ Ibid., 43/1943, f. 80–81v. (USHMMA, RG-25.010M, reel 24). Этнический состав населения Румынии по данным переписи 1930 г. см.: *Manuilă S. Studiu etnografic asupra populației României.* – Bucharest: Editura Institutului Central de Statistică, 1940. – 107 p.

⁵² *Minorități etnoculturale.* – P. 436–438.

⁵³ *Achim V. Documente privind deportarea.* – Vol. II. – P. 103–104.

суровому дисциплинарному наказанию за недостаточное рьяное исполнение своих обязанностей во время антицыганских акций, которое привело к тому, что нескольким цыганам, предназначенным к депортации, удалось ее избежать⁵⁴.

Депортация цыган и румынское общество

Нет также оснований считать, что румынское общество в целом отрицательно отнеслось к депортациям цыган. Действительно, румынские архивы хранят некоторое – сравнительно небольшое – количество петиций этнических румын с просьбами освободить от депортации отдельных цыган – соседей или знакомых просителей⁵⁵. Однако при анализе этих петиций обычно упускается, что подавляющее большинство из них относится к концу сентября – октябрю 1942 г., когда депортация первых двух категорий цыган завершилась и Василиу издал приказ провести новую перепись цыган, «на которых имеются уголовные дела». Предстояло переписать «как тех [цыган], которые были осуждены, так и тех, которые были оправданы (!) с тем, чтобы к весне 1943 г. они были эвакуированы [эвфемизм, рутинно применявшийся вместо более откровенного «депортированы». – В.С.] в Транснистрию»⁵⁶. Поскольку к этому времени уже было абсолютно очевидно, что перепись знаменовала приближение новой депортации, многие цыгане пытались спасти себя, договариваясь со своими соседями о том, чтобы последние писали прошения в их защиту.

Утверждение, содержащееся в заключительном докладе Международной комиссии по исследованию Холокоста в Румынии, о том, что королева-мать Елена выступила против депортаций цыган, основано на недоразумении: королева заступилась не за всех цыган, а за одного-единственного солдата-цыгана Золтана Стойку, которого она встретила в госпитале, где тот лежал после ампутации ног. Стойка попросил ее помочь добиться разрешения его семье вернуться из Транснистрии в Румынию, и королева написала соответствующую записку Михаилу Антонеску. В результате просьба Стойки была удовлетворена, но это никак не повлияло на судьбу других солдат-цыган и их семей⁵⁷. Более того, несмотря на протесты – в большинстве случаев, довольно слабые – некоторых офицеров действующей армии против практики депортации семей солдат, находившихся на фронте, генеральный штаб румынской армии после некоторых колебаний согласился с предложением Василиу вычеркнуть имена таких военнослужащих из реестра армии, тем самым предопределив их увольнение и отправку с фронта

⁵⁴ Ibid. – Vol. I. – P. 334–336, 345–346.

⁵⁵ Эти петиции проанализированы в *Achim V. Atitudinea contemporanilor. – Passim.*

⁵⁶ См. *Achim V. Documente privind deportarea. – Vol. I. – P. 219–221, 223–224.*

⁵⁷ Ibid. – Vol. I. – P. 349–350; Vol. II. – P. 457–458.

на поселение в Транснистрию. Это решение, впрочем, не помешало генеральному штабу предложить вновь призвать на фронт тех ранее депортированных цыган, которые весной и летом 1944 г. правдами и неправдами сумели вернуться в Румынию после того, как румынские войска оставили Транснистрию⁵⁸.

Широко цитируемый протест против депортации цыган лидера Национал-либеральной партии Константина (Дину) Брэтиану не свидетельствует ни о чем другом, кроме высоких моральных качеств его автора. Как и все политические партии, НЛП была запрещена и фактически бездействовала, хотя репрессии по отношению к ее членам не проводились. Протест был подписан лично Дину Брэтиану, но не от лица своей партии, в которой влияние этого замечательного, но недостаточно энергичного 76-летнего человека было на тот момент близко к нулю (легитимность Дину Брэтиану как формального лидера партии во многом основывалась на его принадлежности к некогда очень влиятельной, но на тот момент выродившейся политической династии, давшей Румынии двух наиболее значительных государственных деятелей конца XIX – первых двух десятилетий XX в.)⁵⁹. С другой стороны, показательно, что хотя меморандум Дину Брэтиану обсуждался среди лидеров Национал-крестьянской партии, которые, в отличие от национал-либералов, сохранили партию в относительно дееспособном состоянии, и они выражали ему свою поддержку (об этом сообщала полицейская сводка от 23 октября 1942 г.), нет никаких доказательств того, что сама партия присоединилась к этой позиции путем представления правительству своего меморандума по этому вопросу, как делала это по многим другим поводам, в том числе когда в начале 1942 г. протестовала против антиеврейских мер⁶⁰.

Цыгане, которым удалось вернуться в Румынию из Транснистрии, подчас наталкивались на враждебность этнических румын. Один цыган, прошедший через ужасы лагерей в Транснистрии, вспоминал, что когда весной 1944 г. он вместе со своим другом сумел пробраться вместе с отступавшими румынскими войсками на территорию Румынии, они тщательно скрывали свою цыганскую идентичность, поскольку если этнические румыны узнавали, что они цыгане, то не только

⁵⁸ Запросы полевых командиров о судьбе семей солдат-цыган, находившихся под их командованием, см.: *Ibid.* – Vol. I. – P. 64–65, 84–85, 263; Vol. II. – P. 261–263. О позиции генерального штаба см.: *Ibid.* – Vol. I. – P. 244–246, 324–325; Vol. II. – P. 362, 486.

⁵⁹ Меморандум Дину Брэтиану см.: *Comisia internațională pentru studierea Holocaustului din România. Raport final.* – P. 432. Об отношении к Брэтиану в его собственной партии и в бухарестских политических кругах в целом см.: *Hudița I. Jurnal politic: ianuarie 1940 – 6 septembrie 1940.* – Iași, 1998. – P. 110; *Idem. Jurnal politic: 9 februarie – 21 iunie 1941.* – Iași, 1998. – P. 61; *Idem. Jurnal politic: 22 iunie 1941 – 28 februarie 1942.* – București, 2005. – P. 165.

⁶⁰ Полицейскую сводку от 23 октября 1942 г. см. в *Achim V. Documente privind deportarea.* – Vol. I. – P. 301–302. Меморандум Национал-крестьянской партии от 16 января 1941 г. см.: Iuliu Maniu – Ion Antonescu. *Opinii și confruntări politice, 1940–1944 / Ed. I. Calafeteanu.* – Cluj-Napoca, 1994. – P. 116.

отказывались помогать им, но и ясно давали понять, что в Румынии их никто не ждет⁶¹.

Когда 13 октября 1942 г. Михай Антонеску объявил о временном прекращении всех депортаций (в действительности политика изменилась не временно, а навсегда) – как евреев, так и цыган, это решение не имело никакого отношения к протестам отдельных представителей румынской общественности против антицыганских мер, а было вызвано соображениями «высокой политики», и прежде всего, изменившейся оценкой вероятного исхода войны. К этому времени Ион и Михай Антонеску пришли к выводу, что жестокое обращение с евреями может дорого стоить Румынии после войны. Оба Антонеску приписывали евреям огромное влияние на внешнюю политику Англии и США. И поскольку они больше не верили, что Германия после войны будет одна полностью контролировать положение на европейском континенте, то решили, что необходимо постараться возобновить отношения с западными державами. Изменение политики по отношению к евреям они считали необходимой предпосылкой для успеха таких попыток⁶². Цыгане оказались бенефициариями этой новой внешнеполитической ориентации, хотя когда Ион и Михай Антонеску принимали данное решение, они меньше всего думали об их судьбе.

Заключение

В заключение вернемся к вопросу, вынесенному в заголовок настоящей статьи: депортировались ли румынские цыгане как преступные элементы или как члены определенной этнической группы, присутствие которой на территории страны считалось нежелательным? Очевидно, что оба эти мотива присутствовали в решениях и действиях властей. В частности, Василиу и подведомственные ему жандармские и полицейские чины рассматривали депортацию части цыган как уникальную возможность добиться снижения, как мы бы сейчас сказали, криминогенной обстановки в стране. Показательно, что 13 мая 1942 г., т. е. в период, когда принципиальное решение о депортации части цыган было уже принято, но параметры операции еще не были окончательно определены, Ион Антонеску в ответ на телеграмму губернатора Транснистрии Георге Алексиану, в которой тот жаловался на дефицит рабочей силы в провинции, постановил, чтобы туда были отправлены, кроме цыган, еще и бродяги и безработные, не имевшие определенной профессии; однако он тут же прибавил, что лица этих двух последних категорий могут быть отправлены только по желанию⁶³. На практике, однако, выслались

⁶¹ Свидетельство Иоана Марина опубликовано в: *Minorități etniculturale*. – P. 615.

⁶² Наиболее полный анализ меняющихся внешнеполитических приоритетов Румынии в 1942 г. и политики по отношению к евреям см.: *Balta S. Op.cit.* – S. 240–298.

⁶³ См.: ANRM, 706/14/1, f. 226 (USHMMA, RG–54.002M, reel 5).

только цыгане. Более того, если тому или иному депортированному лицу удавалось доказать – а такие случаи встречались, хоть и крайне редко, – что оно было выслано по ошибке, поскольку «на самом деле» не являлось цыганом, то ему разрешали вернуться в Румынию⁶⁴. Таким образом, хотя не все цыгане подлежали депортации, никто, кроме цыган, в рамках этой кампании депортации не подлежал. Поэтому приходится сделать вывод, что расовая антропология и этнический национализм являлись важнейшими идеологическими предпосылками, предопределившими трагедию румынских цыган. Вне этой системы идеологических координат депортация части румынских цыган вообще не представляема.

⁶⁴ Документы, касающиеся одного такого эпизода, фигурантами которого выступали три женщины из уезда Арджеш, см.: ANR, Fond Inspectoratul General al Jandarmeriei, 127/1942, f. 239–240; 130/1942, vol. 2, f. 254 (USHMMA, RG–25.010M, reels 18, 19).